

Глава 113. Ругаясь сквозь зубы

Как ни странно, Цзян Тан спал на удивление хорошо.

Он-то думал, что из-за ломоты в руках и боли в ногах, да ещё после целого дня издевательств и злости, заснуть не сможет.

Но стоило ему наесться, а потом немного полежать под руками Фу Линцзюня, как приятное, чуть щекочущее оцепенение разлилось от поглаженных ушей, шеи и спины до самого хвоста. И вскоре его накрыла сонливость.

Когда он проснулся, вечно занятого господина Юйаня опять не было. То ли ушёл принимать гостей, то ли снова сидел с книгой в Водной Беседке в Облаках.

Зато это было очень удобно для смены роли.

Пушистый комочек размером с ладонь потянулся в своём гнёздышке, легко спрыгнул на пол и застучал лапками к выходу.

Сегодня двери спальни почему-то стояли открытыми.

Цзян Тан молча высунул из-за порога маленькую пушистую голову и осторожно глянул на Фу Син и Фу Юэ. Те в его сторону не смотрели, и он, уцепившись лапками за порог, одним прыжком выскочил наружу и, прижавшись к другой стороне, тихонько ускользнул.

Ему казалось, что сбежал он безупречно. На самом деле Фу Син и Фу Юэ давным-давно заметили этот кругленький шарик.

— Сестрица Юэ, он опять убежал играть... — вчера они весь день искали его, поэтому Фу Син сейчас говорила чуть ли не с обидой.

Фу Юэ тихо вздохнула:

— Господин Юйань сказал: раз нога у него уже зажила, значит, он просто любит бегать по округе. Не будем вмешиваться. К вечеру всё равно сам вернётся.

Цзян Тан — человек, вынужденный без передышки крутиться на двух ролях, — поспешно добежал до павильона Ланьси, снова принял человеческий облик и натянул простую повседневную одежду.

Надев обувь и носки, он только тогда с опозданием понял, что обе ноги у него больше не

болят.

— А? — Он внимательно осмотрел подошвы. Порезы, оставленные вчера ветками и камнями, исчезли без следа всего за одну ночь, будто их и не было.

Вот это да. Неужели в этом сне у него ещё и тело неуязвимое?

Он всё ещё уносился мыслями невесть куда, когда снаружи послышался голос Фу Юэ:

— Тан, ты встал? Господин Юйань тебя ищет!

— Иду!

Стоило ему услышать слова «господин Юйань», как он в два счёта обулся и выбежал наружу.

Прежде чем войти в Водную Беседку в Облаках, он даже торопливо пригладил волосы, желая предстать перед Фу Линцзюнем в самом красивом виде. Но этот бессмертный, будто сошедший с небес, открыл рот и сказал такое, что впору было умереть от злости:

— Сегодня ясная погода. Иди на задний двор и стой на столбах мэйхуа один час.

Цзян Тан молча покосился на свинцовое небо за окном, которое уж никак нельзя было назвать ясным, и уголок его губ дёрнулся.

Ясная, ну конечно. Смотришь, и кажется, ещё чуть-чуть, и ливанёт дождь!

От первого дня он ещё мог уклониться, но от пятнадцатого уже нет. То, что не пришлось делать вчера, сегодня, как и ожидалось, пришлось наверстывать. Хорошо хоть ноги у него уже не болели. Постоять на столбах: да что тут такого?

Глаза Цзян Тана лукаво забежали, а потом он опустил голову и заговорил мягко, жалобно:

— Господин Юйань, я не умею. Не могли бы вы... научить меня?

Фу Линцзюнь, взгляд которого до этого был прикован к странице, бесстрастно поднял голову и посмотрел на юношу, который играл из рук вон плохо.

Помолчав, он чуть тронул губы улыбкой:

— Хорошо.

Закрыв книгу, он поднялся и пошёл к нему.

Цзян Тан, лелея в душе надежду выкроить себе хоть немного времени наедине, мигом засеменял следом.

Во всех сериалах ведь так и показывают: когда учитель обучает ученика, между ними проще всего возникает какая-нибудь двусмысленная близость. Например, во время обучения мечу их пальцы непременно переплетаются, потом по какой-нибудь причине они обязательно валятся на землю клубком и, обнявшись, ещё пару раз перекатываются, а дальше уже и до искры любви в обменявшихся взглядах недалеко. Или кто-то падает с высоты, и непременно появляется герой, который подхватывает его на руки, кружится с ним в воздухе и медленно опускается вниз под нежную, глубокую музыку, словно в следующую секунду сцена вот-вот превратится в поцелуй...

Но только выйдя в задний двор, Цзян Тан понял, что под «стойкой на столбах» Фу Линцзюнь имеет в виду не просто стоять на них неподвижно, а одновременно работать ногами, отрабатывая передвижение, уклонение, разворот и выжидание момента для атаки, чтобы тело стало лёгким, как у летящей ласточки.

Когда Фу Линцзюнь показывал движение, казалось, будто он всего лишь слегка коснулся земли носком — и уже невесомо опустился на столбы мэйхуа. Затем, точно текущая вода и плывущие облака, он прошёл по ним самым базовым малым восьмисторонним шагом: быстро, но без суеты, свободно наступая вперёд и отступая назад.

Ни тебе подъёма вдвоём на столбы, обнявшись, как в сериалах, ни подробного обучения. Только один грубый, предельно простой показ и хмурый учитель, который с холодным лицом велел Цзян Тану быстрее забираться наверх.

Цзян Тан: сериалы всё врут! Это вообще не тот сценарий!

Но даже так приходилось улыбаться жизни в лицо.

С деревянным лицом он вскарабкался наверх. Ноги дрожали как осиновые листья. Он еле-еле мог просто удержаться на месте, не то что ещё и шагать.

— Ай! — Когда он свалился в первый раз, Цзян Тан ещё успел помечтать о сцене, где герой спасает прекрасного.

Но увы: он просто рухнул носом в грязь, а Фу Линцзюнь и не подумал подойти и помочь ему подняться.

— Ещё раз.

Фу Линцзюнь стоял, заложив руки за спину. Вид у него был мягкий и утончённый, чистый, как лунный свет, зато слова так и заставляли Цзян Тана скрежетать зубами от злости.

Сердито поднявшись с земли, он стиснул зубы и снова забрался на столбы.

Прошёл два шага и опять свалился.

— Ещё раз.

— Ещё раз.

— Ещё раз.

— ...

Сначала ему было просто обидно. Но когда он рухнул несколько раз подряд, от обиды осталась только упрямая злость. Пока в реальности Фу Линцзюнь всё время его прикрывал, чувство собственной беспомощности было не таким острым. Но стоило Фу Линцзюню его забыть и перестать баловать, как сразу выяснилось: он пустое место, ничего не умеющее и ни на что не годное.

Сдерживая внутри этот комок злости, Цзян Тан упрямо бился со столбами мэйхуа целый час. Под конец он выглядел так, будто его только что вытащили из воды.

Когда всё закончилось, он, тяжело дыша, стоял перед Фу Линцзюнем и едва держался на ногах.

Фу Линцзюнь наконец, видимо, решил, что хватит над ним издеваться, и мягко произнёс:

— Хорошо. На сегодня хватит.

Цзян Тан: @\$^&%!\$#

А-а-а, какой ещё вежливый и мягкий бессмертный наставник? Всё это сплошной обман! У этого человека внутри наверняка сплошная чернота!

Мысленно ругаясь без остановки, вслух он всё равно почтительно поблагодарил:

— Благодарю... господин Юйань... за наставление.

А ноги у него при этом всё ещё дрожали, и вид был до невозможности жалкий.

Фу Линцзюнь, видимо, и сам решил, что уже достаточно его помучил, поэтому великодушно добавил:

— Вчера ты написал по памяти три тысячи рун. Сегодня будет две тысячи.

Цзян Тан: «...»

Мужчина, не испытывай моё терпение.

— Что? Не хочешь?

Цзян Тан вмиг сдулся:

— Да, господин Юйань.

И, волоча всё ещё подрагивающие ноги, снова последовал за ним обратно в Водную Беседку в Облаках.

Он клялся себе, что уже видеть не может это место. В жизни больше сюда не захочет вернуться!

Фу Линцзюнь в стороне пил чай и читал, а Цзян Тан рядом писал домашнее задание. И чем дальше, тем сильнее у него вскипала злость. Убедившись, что Фу Линцзюнь на него не смотрит, он быстро набросал на листе бумаги злой портрет Фу Линцзюня. Но одного портрета ему показалось мало, и он рядом нарисовал свирепого пушистого комочка, который мёртвой хваткой вцепился Фу Линцзюню в палец — так, что не отодрать.

Чем дольше он рисовал, тем шире становилась улыбка на его лице, будто он уже видел, как кусает Фу Линцзюня до воплей.

— Господин Юйань, молодой господин пришёл, — доложила у двери Фу Син.

Цзян Тан тут же скомкал портрет в шарик и напустил на себя серьёзный вид, будто всё это время прилежно переписывал руны.

Фу Линцзюнь даже не поднял длинных ресниц, просто перевернул страницу книги:

— Пусть войдёт.

Тут же от двери донеслись шаги.

— Брат, брат! — пухлый карапуз, уцепившись за дверной косяк Водной Беседки в Облаках, крикнул внутрь: — Мама и папа велели тебе вернуться домой... Говорят, завтра ты идёшь... идёшь...

Фу Чэнь застрял посреди поручения.

— Мм.

Взгляд Фу Линцзюня как бы невзначай скользнул к руке, которую юноша только что прятал, а затем он закрыл книгу и поднялся. Проходя мимо Цзян Тана, он на миг задержался:

— Не ленись.

— ...Да.

На словах Цзян Тан, конечно, согласился, а в душе был счастлив донельзя. Фу Линцзюнь сказал не лениться — и он правда должен послушаться? Вот ещё. Не то что две тысячи рун — он и больше напишет по памяти. Фирменное обучение Фу Линцзюня методом грубого вдалбливания славилось своей убийственной эффективностью. Раньше он заставлял его зубрить целый стол книг по рунам, и он всё это действительно выучил. Просто применять как следует пока не умел.

Фу Чэнь тянул Фу Линцзюня за рукав и по дороге не раз оглядывался в сторону спальни:

— Брат, а где Тангао?

— Убежал играть.

— А? — Фу Чэнь сразу встревожился. — Тангао такой маленький. А если его кто-нибудь наступит и поранит?

— Не наступят.

Что маленький зверёк, что юноша — оба были очень проворными.

Фу Линцзюнь невольно вспомнил юношу, который сейчас сидел в Водной Беседке в Облаках. Интересно, как он выглядит в эту минуту? Сидит с кислой физиономией над книгой? Или, может, растёкся по столу и ленится?

Подумав об этом, Фу Линцзюнь погрузил сознание внутрь, чтобы взглянуть на происходящее в Водной Беседке в Облаках. И увидел совсем не то, чего ожидал: юноша сидел за столом и рисовал. Вроде бы и до этого он что-то рисовал, но издали было не разобрать.

Сначала это были несколько случайных мазков, оставленных в дурном настроении. Потом юноша превратил расплывшиеся пятна туши в пышный фейерверк, а внизу грубо наметил крышу дома — очень высокую, прямо напротив расцветших в небе огней.

На крыше было две фигуры со спины, сидящие рядом и смотрящие на сплошное море фейерверков.

Сам не зная почему, Фу Линцзюнь, едва увидев этот рисунок, вдруг почувствовал, что люди на нём будто загадывают желание.

— А-Чэнь, — спросил он, — что ты делаешь, когда в небе расцветают фейерверки?

Фу Чэнь не понял, почему брат так резко перескочил с темы. Только что говорили о Тангао, а теперь вдруг о фейерверках. Но ответил он очень серьезно:

— Если запускают фейерверки, значит, случилось что-то очень радостное. Тогда я могу попросить толстого старшего брата купить мне много вкусного и игрушек, а ещё можно пойти посмотреть на водяные фонари! Нет, вообще-то, если случается что-то радостное, мама обычно дома готовит целый стол вкусностей. Тогда я никуда не пойду, останусь дома с мамой!

Длинные ресницы Фу Линцзюня опустились ниже.

— А желания? Ты не загадываешь желание?

— А? А почему при фейерверках надо загадывать желание? — с железной логикой ответил Фу Чэнь. — Желания ведь загадывают тем, кто может помочь им сбыться. Фейерверки же не понимают, о чём я прошу.

Да, верно. С точки зрения Фу Линцзюня, желания под фейерверками и вправду не имели никакого смысла.

И всё же ему казалось, что когда-то кто-то очень искренне загадывал желание под фейерверками, а потом со всей серьёзностью уверял его, что оно непременно исполнится. Это звучало нелепо, но он поверил. Более того, ему даже хотелось услышать похожий ответ и от кого-то ещё.

Но Фу Чэнь этого не понимал.

На сердце у Фу Линцзюня вдруг стало тесно и глухо на сердце. Он не знал, откуда взялось это чувство. Будто его поместили в узкую прозрачную бутылку: вокруг — бескрайний простор, но стоило протянуть руку, и пальцы упрутся в непреодолимую стенку.

Юноша тем временем старательно рисовал и что-то бормотал себе под нос. Сначала голос был слишком тихим, и Фу Линцзюнь ничего не расслышал. Но когда рисунок был закончен, до него донеслась уже совершенно отчётливая фраза:

— Фу Линцзюнь, тупой вонючий мудак!

Это был незнакомый язык. И всё же он его понял.

<http://bllate.org/book/17032/1723099>